МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Б.А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕОФШОРИЗАЦИЯ 4.0

В статье анализируется влияние принятого в октябре 2021 г. глобального минимального корпоративного налога (ГМКН), которое он может оказать на развитие мировой экономики и политику деофшоризации. Дана авторская трактовка теоретической концепции ГМНК и показано ее принципиальное отличие от других концепций, нацеленных на регулирование только трансграничных финансовых операций (налог Тобина). Выделены этапы формирования международной политики деофшоризации, где четвертый этап обозначен как «Глобальная деофшоризация 4.0». Показаны основные проблемы, которые предстоит решить при реализации новых налоговых правил.

Ключевые слова: *минимальный корпоративный налог, международная налоговая система, налог Тобина, офшорные финансовые сети, глобальная деофшоризация, цифровизация, специальные административные районы.*

JEL: F23, F53, G38, H21, H25, H26.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_76_92.

Введение

В октябре 2021 г. 137 стран и территорий достигли окончательной договоренности, которую уже называют «налоговой революцией» [1]. Она нацелена на кардинальное изменение устаревших налоговых правил и их замену на новые нормы, соответствующие реалиям XXI в., что позволит существенно ограничить недобросовестную налоговую конкуренцию и обеспечить уплату налогов крупными многонациональными предприятиями (МНП[1]) в юрисдикциях, где они фактически работают и получают прибыль. Данный план был назван Инклюзив-

[1] МНП (MNE) – термин, который в официальных зарубежных источниках заменил термин «транснациональные корпорации (TNK)».

ной рамочной программой G20/OECD по BEPS (Inclusive Framework on BEPS) по коренному реформированию международных налоговых правил.

План состоит из двух компонентов. Первый компонент (Pillar 1) связан с введением новых налоговых правил для МНП, которые, в частности, предполагают, что любое МНП должна платить не менее 15% налога на прибыль, исходя из его реальной (рыночной) деятельности в конкретной юрисдикции, независимо от физического присутствия там. Цель этих изменений – более справедливое налогообложение МНП, которое ограничит возможности агрессивного налогового планирования.

Ожидается, что в результате реализации первого компонента права налогообложения на сумму свыше 125 млрд долл. прибыли будут перераспределены между различными юрисдикциями на рыночных условиях. При этом новая ставка в 15% позволит получить дополнительно около 150 млрд долл. глобальных налоговых поступлений ежегодно [2].

Глобальная минимальная налоговая ставка на первом этапе будет применяться только к крупным МНП, чья годовая прибыль превышает 750 млн евро, а их глобальный оборот составляет 20 млрд евро или больше. Еще одним критерием для применения налоговых новаций является рентабельность МНП, которая должна быть не ниже 10%.

Второй компонент (Pillar 2) предлагает механизмы реализации первого компонента, прежде всего путем выравнивания налоговых ставок как минимум до 15% для конкретных МНП. Для этого вводится базовое «Правило по борьбе с глобальным размыванием налоговой базы», которое было названо GloBE. Представляется, что данное название глубоко символично и наиболее точно отражает суть происходящих изменений. Во-первых, оно обозначает глобальный характер новых налоговых правил. Поддержавшие план юрисдикции представляют большую часть глобальной экономики – на них приходится свыше 95% мирового ВВП. Во-вторых, новое название подчеркивает его генетическую связь с планом BEPS, хотя последний и не предусматривал введение подобного глобального налога. В дальнейшем этот термин в данной статье будет использоваться для обозначения нового налогового плана в целом.

Кроме того, в Pillar 2 предусматривается «Правило дополнительного налогообложения материнской компании», которая ранее уплачивала налоги менее 15%[2]. Когда юрисдикции, где получена прибыль, не использовали свое право на ее налогообложение, по новым мини-

[2] При этом будет учитываться эффективная налоговая ставка, рассчитываемая путем деления налогов, уплачиваемых МНП в каждой юрисдикции, на их доходы.

мальным нормам будет использоваться реверсное налогообложение, что подразумевает доплату налогов МНП в материнской юрисдикции с зачетом уплаченного более низкого налога (части налога).

Существующая международная система корпоративного налогообложения восходит к модели, разработанной еще в Лиге Наций после Первой мировой войны. Она предусматривала налогообложение компаний в юрисдикциях, где они производят продукцию и имеют штабквартиры [3]. Новая модель налогообложения отвечает современным условиям развития, когда глобализация и цифровизация породили новую реальность – обострение противоречия между экстерриториальным характером получения доходов и суверенным характером их налогообложения.

В прошлом выдвигались интересные идеи по введению международных налогов. Одной из самых известных было предложение о налоге на краткосрочные валютные операции, которое опубликовал в 1978 г. Нобелевский лауреат Джеймс Тобин (налог Тобина). Такой согласованный на международном уровне общий налог мог бы сдерживать спекулятивные потоки горячих денег, перемещающихся между различными финансовыми рынками в поисках высоких краткосрочных процентных ставок, и не касался бы долгосрочных инвестиций. Данный унифицированный налог, по мнению Тобина, взимался бы каждым правительством в своей юрисдикции и уплачивался бы в МВФ или Всемирный банк. Например, британское правительство было бы ответственно за уплату налога по всем трансграничным валютным операциям банков и брокеров, расположенных в Лондоне, даже если в них не использовался фунт стерлингов [4]. Этот налог, размер которого мог бы составить до 1,0% с каждой трансакции, так и не был применен. Идея Тобина требовала консенсуса большого количества стран, участвующих в подобных трансакциях, но встретила негативную реакцию таких мощных акторов мирового финансового рынка, как США и Великобритания.

Попытки введения подобного налога предпринимались в Евросоюзе. В 2011 г. 11 из 17 стран еврозоны договорились обложить налогом финансовые трансакции, которые осуществляют расположенные у них банки, биржи, инвестиционные фонды, страховые компании и хеджфонды. Предполагалось, что размер налога составит 0,1% на операции с акциями и облигациями и 0,01% – на финансовые деривативы [5]. Однако этот налог не принес существенных налоговых поступлений (ожидалось, что он должен был давать до 35 млрд евро ежегодно), его не поддержали многие государства ЕС, так как он, по их мнению, противоречит принципам свободного перемещения капиталов и услуг на общем финансовом рынке.

Концепция глобального минимального корпоративного налога принципиально отличается от идеи Тобина, нацеленной на регули-

рование только *трансграничных финансовых операций*. Она направлена на налогообложение самой *трансграничной экономической деятельности* на современном этапе глобализации в условиях цифровой революции.

Цель данной статьи заключается в анализе влияния международной налоговой реформы на развитие глобальной экономики, прежде всего в плане увеличения государственных доходов и более эффективной борьбы с налоговыми уклонистами, а также в прогнозе последствий данных новаций для российской политики деофшоризации.

В статье умышленно не рассматриваются проблемы адаптации Россией поддержанных ею международных договоренностей о минимальном корпоративном налоге. Эти проблемы активно обсуждались российскими властями и бизнес-сообществом в конце 2021 г., но новая геополитическая реальность делает крайне неопределенным выполнение всех международных обязательств страны. В то же время не вызывает сомнений, что анализ новых тенденций развития мировой налоговой системы представляет научный и практический интерес и для российских специалистов.

Связь минимального налога с деофшоризацией

План GloBE непосредственно связан с юрисдикциями, которые по традиции называются офшорами (налоговым раем, налоговыми гаванями, офшорными финансовыми центрами и т. п.). Однако офшор – объединительный термин, который может означать страну, юрисдикцию, отдельную компанию. Во многих случаях под офшором понимается схема налоговой оптимизации, где могут быть завязаны несколько юрисдикций и взаимозависимых компаний (офшорные финансовые сети) [6]. Это делает реальный офшорный мир практически безграничным, а также более сложным и многообразным.

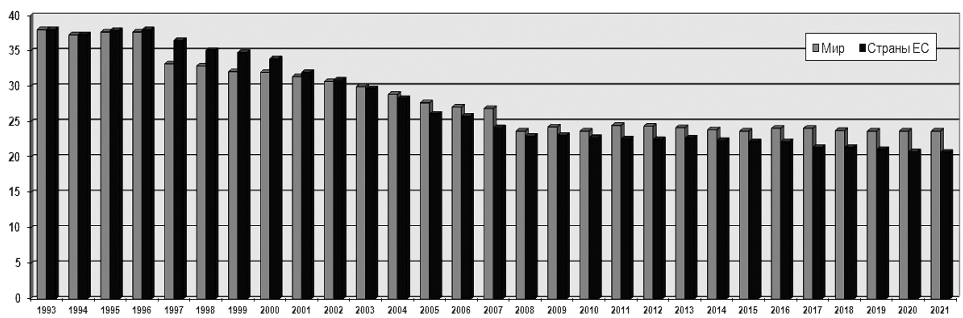
Главное противоречие развития офшорного мира (офшоризации), по моему мнению, заключается в суверенном характере корпоративной и налоговой политики, позволяющем вводить суперпривлекательные условия для иностранных инвестиций, и потребностями международного сообщества в справедливых, с точки зрения добросовестных налогоплательщиков, правилах налогообложения доходов. Данное противоречие значительно обострилось на фоне мировых экономических кризисов последних 15 лет, падения темпов экономического роста и реальных доходов населения, долговых и бюджетных проблем. В новых условиях мировое сообщество пытается ограничить деятельность офшоров, усилить контроль за выводом прибыли и налогов из стран – невольных доноров офшоров, то есть активизировать политику деофшоризации в глобальном масштабе

(глобальной деофшоризации), так как деофшоризация в национальных рамках или в рамках региональных межгосударственных образований не дает желаемого результата. Иными словами, глобальная деофшоризация выступает основным средством разрешения названного выше противоречия развития офшорного мира.

Договоренности о минимальном корпоративном налоге являются важнейшим шагом в глобальной деофшоризации, так как в результате их применения именно офшоры утрачивают свою привлекательность для бизнеса. Особенно это касается тех офшоров, где налоговые ставки либо обнулены, либо составляют менее 15%.

Активное использование офшоров способствовало обострению налоговой конкуренции в мировой экономике, что привело к снижению корпоративного налога в мире в целом и в отдельных юрисдикциях (см. рис. 1).

В 1980 г. средняя ставка корпоративного налога в мире достигала 40,1%, а в 2021 г. она была 23,7% при расчете по 177 юрисдикциям. То есть снижение за 40 лет составило 16,4 процентных пункта, или 41% [7]. Максимальное снижение корпоративного налога наблюдалось в начале 2000-х годов, при этом оно происходило быстрее в развитых странах – основных донорах офшоров. После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наметилась стабилизация средних ставок, однако в отдельные годы отмечалось их повышение.

Источник: составлено автором по: данные KPMG (2007). Corporate and Indirect Tax Rate Survey. www.kpmg.com; KPMG (2011). Corporate and Indirect Tax Rate Survey; www.kpmg.com; KPMG (2021). Corporate tax rates table, 2020. URL: https://home.kpmg/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/corporate-tax-rates-table.html.

Рис. 1. Динамика средней ставки корпоративного налога на прибыль в 1993–2021 гг., %

Согласно данным ОЭСР по 111 юрисдикциям, в 2021 г. в 13 юрисдикциях не было корпоративного налогового режима, 4 юрисдикции (Барбадос, Венгрия, Черногория и Узбекистан) имели положительную ставку корпоративного налога менее 10% и 14 юрисдикций – от 10% до 15% (см. табл. 1).

Таблица 1

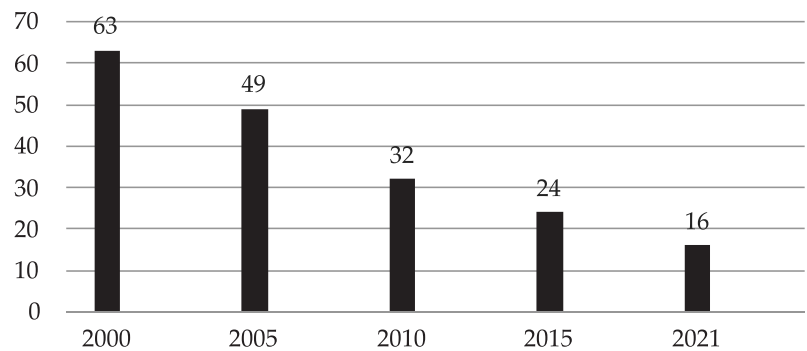
Минимальные установленные законом ставки корпоративного налога менее 15% в 2021 г.

Юрисдикции	Размер ставки, %	Юрисдикция	Размер ставки, %
Ангилья, Багамы, Бахрейн, Белиз, Бермуды, БВО, Вануату, Кайманы, Гернси, Джерси, ОАЭ, Остров Мэн, Терк и Кайкос	0,0	Андорра, Босния и Герцеговина, Болгария, Гибралтар, Катар, Кыргызстан, Северная Македония, Парагвай	10,0
Барбадос	5,5	Макао, Молдавия	12,0
Узбекистан	7,5	Ирландия, Кипр, Лихтенштейн,	12,5
Венгрия, Черногория	9,0	Швейцария	14,93

Источник: составлено автором по: данные OECD (2021). Statutory Corporate Income Tax Rates. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CTS_CIT.

Ставки корпоративного налога в 15% в 2021 г. имели 10 юрисдикций: Албания, Грузия, Канада, Кувейт, Литва, Маврикий, Оман, Территории Палестины, Сербия, Тунис.

При этом стабильно снижается доля стран с высокой ставкой корпоративного налога (см. рис. 2). С 2000 г. их доля уменьшилась с 63% до 16% в 2021 г.

Источник: составлено автором по: данные OCDE (2021). Corporate Tax Statistics. Third Edition P. 13. URL: www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-taxstatistics-database.htm.
Рис. 2. Доля юрисдикций со ставками корпоративного налога 30% и выше, %

Для оценки роли офшоров в налоговой конкуренции представляет интерес рейтинг TJN корпоративных налоговых гаваней (The Corporate Tax Haven Index), который ранжирует юрисдикции, наиболее активно помогающие МНП недоплачивать корпоративный подоходный налог.

При составлении рейтинга учитывались не только налоговые ставки, но и анализировалось состояние их налоговой и финансовой системы, а также давалась оценка вклада каждой юрисдикции в уклонение от уплаты корпоративных налогов (см. табл. 2).

Таблица 2

Топ 20 самых популярных у МНП юрисдикций, используемых для минимизации налогообложения, 2021 г.

Юрисдикция	Вклад в уклонение от уплаты корпоративных налогов в мире, %	Юрисдикция	Вклад в уклонении от уплаты корпоративных налогов в мире
1. БВО	6,4	11. Ирландия	3,4
2. Кайманы	6,0	12. Багамы	3,3
3. Бермуды	5,7	13. Великобритания	3,1
4. Нидерланды	5,5	14. Кипр	3,1
5. Швейцария	5,1	15. Маврикий	2,3
6. Люксембург	4,1	16. Бельгия	2,2
7. Гонконг	4,1	17. Гэрнси	2,2
8. Джерси	3,9	18. Франция	2,1
9. Сингапур	3,9	19. Китай	2,0
10. ОАЭ	3,8	20. Остров Мэн	1,9

Источник: составлено автором по: TJN (2021). Corporate Tax Haven Index – 2021 Results. https://cthi.taxjustice.net/en.

Как видно из таблицы 2, подавляющее большинство из этих 20 юрисдикций составляют или классические офшоры, или наиболее часто использующиеся в офшорных схемах спарринг-офшорные юрисдикции [8].

По некоторым оценкам, МНП, благодаря агрессивному налоговому планированию, «переносят» в низконалоговые юрисдикции прибыль на сумму 1,38 трлн долл. в год, что эквивалентно 40% всей прибыли. Это обходится правительствам в 245 млрд долл. в виде недополученных налоговых поступлений [2]. По мнению экспертов TJN, эти потенциальные потери еще выше. В 2021 г. они составили 55% от общего объема недоплаченных налогов, или 268 млрд долл., которые пришлись на офшоры и такие спарринг-офшорные юрисдикции, как Великобритания, Нидерланды, Люксембург и Швейцария [9].

Договоренности о минимальном корпоративном налоге как раз направлены на прекращение «гонки уступок», на ограничение исполь-

зования офшорных финансовых схем крупнейших налогоплательщиков. Введение новой налоговой нормы и постепенное расширение сфер ее применения, наряду с усилением социального давления на офшоры в целом, должно изменить отношение крупнейших налогоплательщиков к использованию офшорных финансовых схем в их налоговом планировании.

Глобальная деофшоризация 4.0

Современный этап деофшоризации можно назвать «Глобальная деофшоризация 4.0». Это обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, по предложенной мной ниже периодизации, это четвертый этап коллективного противодействия международного сообщества недобросовестному уклонению от уплаты налогов, которое называется глобальной деофшоризацией.

Первый этап: конец 1980-х годов – сентябрь 2001 г.

На этом этапе у международного сообщества начало формироваться понимание нарастающей экономической и социальной опасности использования офшоров для ухода от налогов как с легальных, так и криминальных доходов.

1989 г. – создана ФАТФ (FATF), которая в 1990 г. разработала свои первые 40 рекомендаций по борьбе с отмыванием преступных доходов.

1996 г. – G7 и ОЭСР усилили внимание к проблеме деофшоризации, провозгласив ее в качестве приоритетной в своей деятельности.

1998 г. – доклад ОЭСР «Вредоносная налоговая конкуренция» [8], где были сформулированы признаки «вредоносной» налоговой конкуренции и анализируются методы ее предотвращения.

1999 г. (апрель) – создан Форум финансовой стабильности (ФФС), который в 2000 г. опубликовал доклад об офшорных финансовых центрах [19].

2000 г. – доклад ОЭСР, который содержал «черный список» не сотрудничающих стран и вредных для налоговой конкуренции налоговых режимов. В него вошли 37 юрисдикций и 47 преференциальных налоговых режимов [20].

Второй этап: сентябрь 2001 г. – сентябрь 2008 г.

В 2001 г. (октябрь), после терактов в США, был принят известный антитеррористический закон – Патриотический акт США (USA Patriotic Act), который обязывал все финансовые учреждения принять комплексные меры, препятствующие отмыванию денег. Под давлением США многие популярные офшорные юрисдикции согласились предоставлять американским властям финансовую информацию.

2001–2007 гг. – ОЭСР расширила свою деятельность по разработке международных стандартов налоговой прозрачности и обеспечению

выполнения обязательств на глобальном уровне, начав регулярно публиковать доклады о вредоносной налоговой практике.

2001 г. – активизация антиофшорной политики ЕС, где были инициированы расследования против 8 из 11 выявленных офшорных схем.

2003–2004 гг. – ФАТФ уточнила прежние рекомендации и добавила 9 новых рекомендаций по борьбе с отмыванием денег.

2003 г. (март) – создание неформальной общественной организации Tax Justice Network (TJN), куда вошли аналитики и активисты, разделяющие озабоченность по поводу уклонения от уплаты налогов, недобросовестной налоговой конкуренции с использованием налоговых убежищ.

Третий этап: конец 2008 г. – июль 2021 г.

2008–2009 гг. – глобальный финансово-экономический кризис, во время которого резко активизировалась антиофшорная политика G20 и ОЭСР, выступивших против сохранения банковской тайны.

2009 г. – ОЭРС учредила Глобальный форум по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения. Изменение подхода к оценке офшоров – публикация 2 апреля 2009 г. «черного» (4), «серого» (38) и «белого» (40) списков юрисдикций с точки зрения их готовности к международному финансовому сотрудничеству.

2009 г. – ФФС был расширен за счет присоединения к нему развивающихся стран и преобразован в Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board).

2010 г. – принятие Конгрессом США закона (FATCA), по которому иностранные банки должны были передавать в американскую Службу внутренних доходов (IRS) данные о перемещении денег американских налогоплательщиков.

2013 г. (сентябрь) – саммит G20 принял решение о разработке плана BEPS, который стал платформой для формирования новых международных налоговых правил.

2014 г. (июль) – принятие Единого стандарта отчетности (Common Reporting Standard – CRS), который должен использоваться для автоматического обмена налоговой и финансовой информацией. Важнейшей особенностью CRS является жесткое требование раскрытия бенефициаров таких ранее не видимых для налоговиков структур, как трасты и фонды, что позволяет получить более достоверную информацию о налоговых уклонистах.

2015 г. (октябрь) – одобрение пакета мер BEPS по 15 главным направлениям, призванных повысить согласованность международных налоговых правил и обеспечить более прозрачную налоговую среду.

2016 г. (декабрь) – введена в действие Многосторонняя конвенция о применении мер, связанных с налоговыми соглашениями («Многосторонний инструмент» – Multilateral Competent Authority Agreement

on the exchange of country-by-country reports – MLI), к ней в конце 2021 г. присоединились 96 юрисдикций. MLI предполагает серьезные изменения действующей системы международных соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН), которые часто используются для «двойного неналогообложения».

2017 г. – начал осуществляться международный обмен финансовой информацией по единым стандартам (Common Reporting Standards). По состоянию на декабрь 2021 г., активировано более 4 500 двусторонних обменных отношений применительно более чем к 110 юрисдикциям, связанным с CRS [11].

2011–2021 гг. – принятие новых антиофшорных правил на национальном и региональном уровнях, в том числе шестого пакета поправок к Директиве ЕС по административному сотрудничеству (Directive on Administrative Cooperation – DAC). В ее рамках был принят ряд пионерных решений по региональной деофшоризации, в том числе DAC – 6 (май 2018 г.), предусматривающих раскрытие данных для всех членов Евросоюза как о реализованных, так и планируемых трансграничных операциях с признаками агрессивной налоговой минимизации. Это правило касается не только налогоплательщиков, но и всех посреднических структур (консультантов, аудиторов, банков, страховых компаний, провайдеров трастовых услуг); DAC – 7 (1 декабря 2020 г.), которая ввела правило автоматического обмена информацией о доходах, полученных продавцами на цифровых платформах, независимо от того, находится ли платформа в ЕС или за его пределами; разработана DAC – 8, предусматривающая усиление контроля за налогообложением криптоактивов.

2011–2021 гг. – усиление глобального общественного давления на деофшоризацию. Масштабные утечки налоговой информации, опубликованные в Интернете и СМИ:

2013 г. (апрель) – Offshoreleaks; 2016 г. – Panama Papers; 2017 г. – Paradise Papers; 2021 г. (февраль) – OpenLux; 2021 г. (октябрь) – Pandora Papers.

Наконец, четвертый этап начинается с октября 2021 г.

В конце 2021 г. 137 юрисдикции поддержали двухкомпонентный план ОЭРС по масштабной реформе международных налоговых правил.

Во-вторых, термин «Глобальная деофшоризация 4.0» связан с развитием цифровизации экономики, которая вызвана четвертой промышленной революцией («Индустрией 4.0»).

Цифровизация требует введения новых механизмов международного контроля за движением финансовых потоков. В современных условиях значительная часть экономической деятельности становится виртуальной. Цифровизация и глобализация подорвали основные

правила, которые регулировали налогообложение прибыли международного бизнеса в прошлом. Это обусловлено рядом обстоятельств.

1. МНП стали получать значительную часть своих доходов на иностранных рынках, не платя при этом адекватные налоги. Это связано со сложившимися традициями налогообложения, согласно которым налог уплачивается в юрисдикции физического присутствия и получения прибыли по правилам, устанавливаемым этой самой юрисдикцией. В современном же мире МНП могут осуществлять крупномасштабную деятельность, не связанную с крупными иностранными инвестициями в материальные активы (стратегии облегченных активов).

2. Во многих юрисдикциях, прежде всего офшорных, приняты правила, предполагающие отказ от налогообложения зарубежных доходов МНП, что стимулирует создание офшорных финансовых сетей.

3. Появились новые виды экономической деятельности, прежде всего в сфере услуг, а также значительно выросли нематериальные активы, такие как бренды, патенты, лицензии, авторские права, которые легко перемещаются в цифровом пространстве между юрисдикциями, выбирая безналоговые и низконалоговые гавани.

Цифровые риски привели к одобрению отдельными странами новых налогов на цифровые услуги (digital service tax – DST) на национальном уровне. Такие налоги были введены во Франции, Испании, Италии, Чехии, Венгрии, Малайзии, Таиланде, Узбекистане, Казахстане, Украине и в некоторых других странах.

ОЭСР оценивает затраты на уклонение от уплаты налогов в сумму от 100 до 240 млрд. долл. в год, или от 4–10% мировых поступлений от налога на прибыль корпораций [12]. Более высокие оценки потерь от использования схем агрессивного налогового планирования дают эксперты TJN. В 2021 г. они оценили их в размере 483 млрд долл., из которых потери от трансграничного перемещения корпоративных налогов составили 312 млрд долл., а уклонения частных лиц, скрывающих в офшорах незадекларированные активы и доходы, – в 171 млрд долл. При этом потери высоко- и среднеразвитых стран составили 443 млрд долл., а потери слаборазвитых стран – 40 млрд долл. [13]. Однако эти страны испытывают большие трудности от таких потерь, так как их бюджеты больше зависят от поступления корпоративных подоходных налогов. Следует отметить, что годом ранее (2020 г.) TJN оценивала глобальные налоговые потери в 427 млрд долл., а потери от недоплаты корпоративных налогов в 245 млрд долл. (57,3%) [14].

Осуществима ли «Глобальная деофшоризация 4.0»?

Соглашение подписали многие юрисдикции, которые традиционно участвуют в различных схемах минимизации налогообложения,

так как они не хотят выпадать из формирующейся на современном этапе системы глобального управления в налоговой сфере. Тем более, что минимальный корпоративный налог – не единственная их привлекательность для МНП. Офшоры предоставляют немало других налоговых льгот и благоприятных условий для деятельности бизнеса, например, по налогу на доходы физических лиц, по имущественным налогам, таможенным и арендным платежам и т. п. С. Дьянков считает, что одним из таких сохраняющихся преимуществ офшоров будут налоговые льготы на исследования и разработки, которыми МНП уже пользуются для смягчения своих налоговых обязательств [3].

Несмотря на широкий консенсус, сохраняется несколько десятков стран и территорий, которые не одобрили налоговых новаций. Поэтому можно сделать вывод, что конкуренция за инвестиции не только не прекратится, но и станет острее и потребует более изощренных стратегий.

Главным рычагом в реализации новых международных правил остается деятельность национальных органов налогового администрирования. В таких условиях особое значение приобретает укрепление международного сотрудничества, прежде всего в сфере автоматического обмена налоговой информацией. В 2020 г. в этом обмене участвовали 106 юрисдикций, то есть существенно меньше, чем подписантов GloBE. При этом реальная картина обмена финансовой информацией намного сложнее. Максимальное количество партнеров по обмену у лидеров было на уровне 75–80, а менее 50 партнеров было у 7 юрисдикций, и это в основном офшоры [11]. В глобальном обмене не участвует США, которые используют в подобных целях свое законодательство (FATCA и налог со сниженной ставкой на глобальные нематериальные активы (Global Intangible Low-Taxed Income – GILTI).

Новые правила налогообложения на первом этапе будут иметь достаточно ограниченное применение и коснутся примерно 100 крупных компаний. Предлагаемый механизм их реализации остается непрозрачным, его применение будет сложно контролировать, так как фактически он потребует согласованного двойного налогового администрирования (в материнской юрисдикции и в юрисдикциях фактического получения прибыли). Важнейшим условием его реализации также является адаптация новых правил национальным законодательством всех поддерживающих данные новации стран, которые должны изменить свое налоговое законодательство и принять новые законы. Такую адаптацию намечено осуществить всего за 1 год – за 2022 г. Поэтому, имея в виду большое количество участников с разной готовностью к налоговой реформе, весьма вероятны серьезные проблемы, как в институциональных решениях, так и в правоприменительной практике.

Ставка минимального корпоративного налога в 15% ниже первоначально предлагавшейся США международной ставки в размере 21%. Сами США собираются повысить минимальную ставку до 28%. По оценкам экспертов американского Казначейства, доля прибыли американских МНП, которую они фактически выплачивают в виде федерального подоходного налога, составляла всего 7,8%. В результате эти компании являются самыми прибыльными в мире, а Соединенные Штаты собирают меньше корпоративных налогов, чем практически любая развитая экономика в ОЭСР [15].

Надо иметь в виду и различные исключения из новых правил международного налогообложения. В частности, GloBE допускает переходный период, когда компании смогут исключать из налоговых расчетов сумму дохода, эквивалентную 10% фонда заработной платы и 8% материальных активов. Разрешенный уровень будет постепенно снижаться в течение 10 лет, пока не достигнет минимальной отметки в 5% от фонда заработной платы и 5% от материальных активов. Данный компромисс, по мнению некоторых экспертов, был необходим, чтобы заставить Китай поддержать сделку [16].

Высока также вероятность того, что разночтения в оценке данных показателей приведут к возникновению многочисленных арбитражных разбирательств между МНП и юрисдикциями их налогового резидентства, которые могут длиться годами.

Есть определенные нюансы, которые необходимо принимать во внимание при оценке реального уровня корпоративного налогообложения, так как имеются существенные различия между налоговыми системами отдельных юрисдикций. Это касается, например, правила налоговой амортизации, различных надбавок и отчислений, влияющих на общий уровень корпоративного налогообложения. Так, в Венгрии действует местный налог на бизнес, что означает более высокую фискальную нагрузку на корпоративные доходы. В некоторых юрисдикциях действуют разные налоговые ставки и существуют льготные налоговые режимы с более низкими ставками для определенных групп компаний, видов экономической деятельности и территориальных анклавов (например, специальные экономические зоны). Могут быть и специальные договоренности между МНК и властями принимающих их инвестиции государств, предоставляющими дополнительные налоговые льготы.

Некоторые эксперты считают, что затраты на администрирование налоговых новаций и их корпоративный учет превысят выгоды от поступления ожидаемых платежей. Так, Г. Хафбауэр отмечает, что только налоговые юристы и бухгалтеры могут найти удовольствие в этом «дивном новом мире». Реформа приведет к гораздо большей налоговой путанице, чем установленный международный принцип

физического присутствия, который хорошо служил международной торговле в прошлом столетии. Страны, которые хотят облагать налогом потребление – косвенную цель цифровых налогов, должны вместо этого точно настроить свои системы налога на добавленную стоимость, не усложняя свои и без того сложные системы корпоративного налогообложения [17].

Необходимо адаптировать новые правила к законам по налогообложению цифровых услуг. Так, в Италии с 1 января 2020 г. были введены налоги на цифровые услуги, которые распространяются на зарубежные и национальные компании, чьи доходы (отдельно или суммарно с другими компаниями группы) составляют более 750 млн евро и выручка за оказанные цифровые услуги в Италии – более 5,5 млн евро. Похожие критерии для налогообложения цифровых компаний, введенного в 2020 г. в Испании: объем общей выручки – более 750 млн евро., но выручка в стране – более 3 млн евро, а ставка налога – 3%. Во Франции цифровой налог в 3% распространяется на выручку крупных технологических компаний, получаемую во французской юрисдикции, если она составляет более 25 млн евро. В Великобритании налог на цифровые услуги начал действовать с 1 апреля 2021 г.: он распространяется на такие технологические корпорации, как Amazon, Google и Facebook,* и составляет 2% от прибыли, полученной от британских пользователей социальных сетей, поисковых служб и торговых онлайн-платформ [18][3]. С 1 января 2022 г. Казахстан обязал зарубежные интернет-компании уплачивать НДС в размере 12% на их товары и услуги, реализуемые в казахстанской юрисдикции.

На сегодняшний день все участники GloBE, которые уже ввели или собираются ввести такие налоги, обязались отменить или отложить их применение. Но не факт, что это удастся синхронно реализовать на практике ввиду разных подходов к такому налогообложению.

* Компания Meta Platforms Inc., которой принадлежит социальная сеть Facebook, признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории РФ.

Заключение

Полноценная национальная деофшоризация невозможна без глобальной деофшоризации и широкого международного сотрудничества. Новые правила международного налогообложения задуманы как масштабные изменения в глобальном управлении, затрагивающие такую чувствительную для каждого государства сферу, как налогообложение бизнеса в условиях его экстерриториальной деятельности с использованием цифровых технологий.

[3] *Скрынникова А.* (2021). Зарубежные компании обяжут платить цифровой налог в России // Forbes. 8 июня. https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii.

Данная договоренность ориентирована на изменение устаревших налоговых правил на нормы, соответствующие реалиям XXI в., в первую очередь в связи с современным уровнем глобализации экономической деятельности и возросшим влиянием цифровизации на ее дальнейшее развитие. Новые правила были поддержаны подавляющим большинством членов мирового сообщества, что не удавалось сделать в прошлом, также как и реализовать некоторые другие подобные идеи (налог Тобина). Это должно создать базовые предпосылки для ограничения недобросовестной налоговой конкуренции юрисдикций, то есть для деофшоризации глобальной экономики.

Данная реформа открывает качественно новый этап формирования глобальной налоговой системы и глобального управления в целом. В случае успеха ее реализации возможно введение других глобальных минимальных налогов, например, на дивиденды и доходы физических лиц. Такой тренд развития будет способствовать глобальной деофшоризации и стабилизации мировой экономики.

Однако широкий консенсус по налоговым вопросам сам по себе еще не гарантирует успех в реализации новых правил, для чего необходимо решить много проблем как на национальном, так и на международном уровнях. А это потребует большего времени для адаптации к новациям, чем предусматривает план GloBE.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Economist (2021). Paradise lost *Twilight* of the tax haven. 3 June. Available at: https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/06/01/twilight-of-the-tax-haven? (Accessed 02.02.2022).
2. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalization of the Economy. July. Paris. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en. (Accessed 02.02.2022).
3. *Djankov S.* (2021). How do companies avoid paying international taxes? Available at: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/how-do-companies-avoid-paying-international-taxes. (Accessed 02.02.2022).
4. *Tobin J.A.* Proposal for Monetary Reform // Eastern Economic Journal. 1978. Vol. 4. Iss. 3–4. P. 153–159.
5. *Asen E.* (2021). Financial Transaction Taxes in Europe. 4 February. https://taxfoundation.org/financial-transaction-taxes-europe-2021/.
6. *Хейфец Б.* Офшорные финансовые сети российского бизнеса // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 52–67. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-1-52-67.
7. *Asen E.* (2021). The Decline of Corporate Tax Rates since 1980. Tax Foundation. https://taxfoundation.org/publications/corporate-tax-rates-around-the-world/#Trends.
8. *Хейфец Б.А.* Антиофшорное наступление мирового сообщества и российская политика // Финансы. 2010. № 2. С. 12–17.
9. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. P. 8.
10. OECD (1998). Harmful Tax Competition. An Emerging Global Issue. Paris. https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/harmful-tax-competition_9789264162945-en.

11. OECD (2021) The automatic exchange of CRS information. https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships.
12. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalisation of the Economy. July. P. 9.
13. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. November. P. 8.
14. TJN (2020). The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19. November. P. 4.
15. U.S. Department of the Treasury (2021). The Made in America Tax Plan. 23 April. 17. https://home.treasury.gov/system/files/136/MadeInAmericaTaxPlan_Report.pdf.
16. O'Leary N. (2021). Minimum corporation tax rate will not abolish competition, EU says. 22 December. https://www.irishtimes.com/business/economy/minimum-corporation-tax-rate-will-not-abolish-competition-eu-says-1.4762047.
17. Hufbauer G. (2021). Dangers lurking in the OECD tax proposals. https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-w9bm-a863.
18. *Скрынникова А.* Зарубежные компании обяжут платить цифровой налог в России // Forbes. 2021. 8 июня. https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii.
19. FSF (2000). Financial Stability Forum Releases Grouping of Offshore Financial Centers to Assist in Setting Priorities for Assessment. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_000526.pdf.
20. OECD (2000). Towards Global Tax Co-operation. Progress in Identifying Harmful Tax Practices. Paris. https://www.oecd.org/ctp/harmful/2000progressreporttowardsglobaltaxco-operationprogressinidentifyingandeliminatingharmfultaxpractices.htm.

REFERENCES

1. The Economist. (2021) Paradise lost Twilight of the tax haven. 3 June 2021. Available at: https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/06/01/twilight-of-the-taxhaven? (Accessed 02.02.2022).
2. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalization of the Economy. July. Paris. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/addressingthe-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en (accessed 02.02.2022).
3. *Djankov S.* (2021). How do companies avoid paying international taxes? Available at: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/how-do-companiesavoid-paying-international-taxes (accessed 02.02.2022).
4. *Tobin J.A.* Proposal for Monetary Reform // Eastern Economic Journal. 1978. Vol. 4. Iss. 3–4. P. 153–159.
5. *Asen E.* (2021). Financial Transaction Taxes in Europe. 4 February. https://taxfoundation.org/financial-transaction-taxes-europe-2021.
6. *Kheifetz B.* Offshore financial networks of Russian business // Voprosy economiki. 2009. № 1. С. 52–67. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-1-52-67. (In Russ.)
7. *Asen E.* (2021). The Decline of Corporate Tax Rates since 1980. Tax Foundation. https://taxfoundation.org/publications/corporate-tax-rates-around-the-world/#Trends.
8. *Kheifetz B.A.* Anti-offshore offensive of the world community and Russian Politics // Finance. 2010. № 2. Pp. 12–17. (In Russ.)
9. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. P. 8.

10. OECD (1998). Harmful Tax Competition. An Emerging Global Issue. Paris. https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/harmful-tax-competition_9789264162945-en.
11. OECD (2021) The automatic exchange of CRS information. https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships.
12. OECD (2021). Addressing the Tax Challenges arising from the Digitalisation of the Economy. July. P. 9.
13. TJN (2021). The State of Tax Justice 2021 Report. November. P. 8.
14. TJN (2020). The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19. November. P. 4.
15. U.S. Department of the Treasury (2021). The Made in America Tax Plan. 23 April. 17. https://home.treasury.gov/system/files/136/MadeInAmericaTaxPlan_Report.pdf.
16. *O'Leary N.* (2021). Minimum corporation tax rate will not abolish competition,EU says. 22 December. https://www.irishtimes.com/business/economy/minimumcorporation-tax-rate-will-not-abolish-competition-eu-says-1.4762047.
17. *Hufbauer G.* (2021). Dangers lurking in the OECD tax proposals. https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-w9bm-a863.
18. *Skrynnikova A.* Foreign companies will have to pay digital tax. in Russia // Forbes. 2021. 08.06.2021. https://www.forbes.ru/tehnologii/431465-zarubezhnye-kompanii-obyazhut-platit-cifrovoy-nalog-v-rossii. (In Russ.).
19. FSF (2000). Financial Stability Forum Releases Grouping of Offshore Financial Centers to Assist in Setting Priorities for Assessment. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_000526.pdf.
20. OECD (2000). Towards Global Tax Co-operation. Progress in Identifying Harmful Tax Practices. Paris. https://www.oecd.org/ctp/harmful/2000progressreporttowardsglobaltaxco-operationprogressinidentifyingandeliminatingharmfultaxpractices.htm.

Дата поступления рукописи: *08.03.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Kheyfets Boris Aronovich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
bah412@rambler.ru

GLOBAL DEOFFSHORIZATION 4.0
The article analyses the impact of the Global Minimum Corporate Tax (GMCT), adopted in October of 2021, on the development of the global economy and deoffshorization policy. Author's interpretation of GMCT is given, fundamental difference with other concepts regulating only cross-border financial transactions (the Tobin tax) is shown. The stages of the international deoffshorization policy are identified in the article, and the fourth stage is designated as "Global deoffshorization 4.0". The main problems to be solved in the implementation of new tax rules are shown.

Keywords*: minimum corporate tax, international tax system, Tobin tax, offshore financial networks, global deoffshorization, digitalization, special administrative regions.*
JEL: F23, F53, G38, H21, H25, H26.